

□Повествовательная уловка□

Уловки используются в составе детективных романов для того, чтобы заставить читателя не так истолковать прочитанное. Например, умышленно скрываются пол или возраст персонажей, а может, даже хронология событий. Таким образом, читатель, используя своё предвидение, получает неверное понимание истины, чем создаётся неожиданный поворот.

— Слушай, есть в повествовательных уловках кое-что, что не даёт мне покоя.

Внезапно заговорила мой друг детства, Изуми. Фишка такая у неё — о всяком заговаривать внезапно.

Старшая школа в префектуре Камиока, комната на первом этаже.

Зимние каникулы только-только начались, и, как бы это ни было не прискорбно, проводились дополнительные занятия.

Но до их начала оставалось ещё больше двадцати минут.

Мы с Изуми пришли как всегда пораньше и как всегда завели беседу о детективах.

Я и она оба читаем детективные истории с определённой долей фанатизма, поэтому у нас крайне хорошо вяжется разговор.

Мой друг детства, с которым мы были вместе с начальной школы, прямо заговорила со мной, ни капельки не беспокоясь о взглядах окружающих. Меня же, наоборот, они каплю беспокоили.

— Собственно, повествовательные уловки — это уловки, которые вбрасываются в историю извне... разве это, говоря о книжной этике, честно?

Далее последовало от Изуми.

— В смысле?

— В подавляющем большинстве случаев повествовательные уловки предназначены для самого читателя, правильно? Возьмём для примера неправильную интерпретацию возраста. Пускай для примера будет протагонист, который кажется двадцатилетним, но в конечном итоге оказывается, что всё~ это время он был стариком. Но люди-то вокруг него в течение всего времени были в курсе его реального возраста. Получается, единственным, чей мир перевернулся, оказывается только сам читатель, а для упомянутых персонажей не произошло ничего необычного.

В словах Изуми чувствовалась определённая сила.

Когда она наклонилась вперёд, через вырез в её белой рубашке мне показалась такая же белая грудь, из-за чего я немного затараторил.

— Ты права, — ответил я. — А что именно не так?

— Ну смотри...

Изуми облокотилась на стол, чтобы подчеркнуть следующее.

— Что случится, если убрать из книги все содержащиеся в ней повествовательные уловки? Что останется? Примитивные физические уловки, обыкновенное полицейское расследование и опознание, а ещё преступник, которого ты и так подозревал. И это всё?

— Да, думаю, парочка парочка таких книг легко найдётся.

Я согласился.

— Так что в этом такого? Хочу сказать, по крайней мере для читателя повествовательные уловки существуют, чтобы выполнять свою задачу. Они несут форму неожиданности и могут стать краеугольным камнем в истории.

— И ты определённо прав, вот только... В детективных книгах, где используются повествовательные уловки, существует одно главное правило. А имею в виду я...

3 Рассказчик не может лгать.

Сказал я с улыбкой.

Изуми указала на меня, как будто бы говоря: «Именно».

— В случае с повествовательными уловками для создания ошибочного представления о половой принадлежности автору, чтобы всё сработало, нужно установить ту или иную ловушку. К примеру, чтобы заставить кого-то воспринимать женщину как мужчину, нужно поместить её в род деятельности, где женщин меньшинство, или наделить такую женщину немного мужественным или сильно нейтральным именем, например Акира или Макото. Так ведь, Акира?

Я опешил.

Как ни удивительно, меня зовут Акира. Но, когда Изуми поступила в среднюю школу, она начала звать меня по фамилии — Коузуки. Уже давно она не обращалась ко мне по-другому, тем же Акирой, и из-за этого я чуть-чуть смутился.

— Но моё-то имя тут ни к чему?

Перебил я её.

— Итак, что насчёт уловок для ошибочного восприятия пола?

— Ах, точно, — сказала Изуми, её лицо тоже напряглось. — В общем, проблема, которую мне хочется поднять, та же самая: «персонажи в истории ни капли не удивлены», «рассказчик не может лгать» — вот они.

— Верно.

— Итак, отсюда исходит другая проблема... «что случится, если читатель будет видеть эту уловку насквозь», это я хочу обсудить.

— Звучит вполне возможно.

Я кивнул.

— Нельзя написать заведомо ложную информацию, значит читатель с хорошей интуицией может заметить наличие недостатка информации и разглядеть истину.

— Именно, вот именно. А когда истина раскрывается подобным образом... произведение становится скучным. Чем сильнее завязка произведения полагается на повествовательные уловки, тем скучнее будет читателям, которые их разглядели.

— Понимаю, фундаментальная проблема.

Сказал я. Собрав все мысли в кучу, я вновь заговорил:

— Но в какой-то степени, по моему мнению, с этим ничего нельзя поделать. Не существует идеальной повествовательной уловки. Чем больше автор пытается играть честно, тем тяжелее становится ввести в заблуждение читателя. Авторам детективов стоит стремиться к тому, чтобы обмануть как можно большее количество читателей, но готов поспорить: десятерых из десяти перехитрить будет невозможно.

— Понятно.

Сказала Изуми, приложив руку к подбородку.

— Тогда что нужно сделать, чтобы обмануть как можно больше читателей?

Странная постановка вопроса: мы оба с ней на читательской стороне.

— Давай подумаем.

Но я попробовал поразмышлять на эту тему.

— Мне кажется, стоит писать новеллу с расчётом на то, что уловка ослепит глаза читателя. Издателю хочется, чтобы книги продавались, поэтому на развороте всегда вывешивают: «Внезапный поворот на последней странице!!!» Но одно только это уже говорит читателю, что

в произведении есть повествовательная уловка...

Если в такой новелле гендерно-нейтральный персонаж, находящийся в профессии, которой занимаются в подавляющем большинстве мужчины, окажется... девушкой, сработает ли это вообще? Сколько бы автор ни ломал мозг над тем, как изобразить её мужчиной, читатель в любом случае заметит её пол.

— Да, правда.

— Поэтому если хочется, чтобы эта личность выглядела мужчиной вопреки всему, тогда стоит использовать более неожиданные средства.

— Например?

— Например...

Небольшая отплата Акире за недавнее.

— Тебя зовут Изуми.

— Да.

Изуми посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Что из того?

— Предположим, в новелле появился персонаж по имени Изуми. Если его изображать в ходе всего действия девушкой, а потом он окажется мужчиной, создастся неожиданный поворот. На самом деле, «Изуми» окажется всего лишь его кличкой. Но если заставить читателя считать, что это его настоящее имя, а оно явно женское, то он не заметит Изуми-мужчину.

Изуми кивнула.

— То есть если мы возьмём твою фамилию Коузуки, но не дадим правильного чтения для неё и извернём как имя, можно будет заставить читателей решить, что ты женщина по имени Кацуки.

— В точку.

(П/П: □□ чаще всего читается как Кацуки)

Разумеется, в реальности всё обстояло совсем иначе.

Моё имя, Коузуки Акира, принадлежало самому что ни на есть настоящему мужчине, а Утагава Изуми — самая настоящая женщина.

— Ах, но...

Пришло время подытожить.

— В случае с повествовательными уловками, как бы бессмысленно это ни было, как бы легко их ни замечал читатель, мне кажется, они по-своему важны. По крайней мере, в развлечении, которым являются повествовательные уловки, есть своя ценность, когда их находят в том или ином месте.

— А в чём она заключается?

— Слышала когда-нибудь про «баяс-тренинг»?

Изуми покачала головой.

— В отличие от тебя, я в английском не знаюсь.

— Ой, точно. Баяс-тренинг – это мысленная тренировка, призванная обнаружить подсознательные предрассудки и предубеждения внутри себя. Я слышал, в последнее время она становится популярной на западе.

— Хочешь сказать, такие повествовательные уловки выполняют задачу баяс-тренинга?

Я уверенно кивнул.

— Особенно уловки с ошибочным восприятием пола. Предположим, есть полицейский по имени Макото, и она представляет сексуальное меньшинство этой области — женщину. Перед читателем ставится повествовательная уловка, заставляющая думать, что она является мужчиной. Некоторые читатели заметят, что она — женщина, а в то же время другие продолжат чтение, принимая её за мужчину. Так и рождается своеобразный эффект: такой читатель осознаёт, что «полицейский с нейтральным именем, которому, по случайности, нравятся женщины» также и сам может быть женщиной. В жизни есть трудности, и кому-то их преодолевать проще, а всё зависит от умения обращать внимание на такое.

— Ясно. Но как это связано с произведениями, где читатель легко понимает, в чём заключается уловка?

— Скептический читатель сам заметил пол оговорённой личности. Для нас — людей, кто являются «суммой предубеждений» — это большой шаг вперёд.

— Эйнштейн, — сказала с ухмылкой Изуми.

— Ну, это моя специальность.

Я улыбнулся ей в ответ. И её улыбка мне казалась мне обворожительной. Её бледный цвет кожи, её плавно переходящие в арку губы — всё завораживало.

В конце концов Изуми тихонько заговорила:

— Но для таких людей... то есть представителей меньшинств, даже если большинству их образ жизни может показаться особенным, но для них самих же это должно быть естественно.

— Ты права, — я согласился. — Возможно, именно для того, чтобы донести это до нас, эти уловки там и находятся.

Изуми пробормотала:

— В мире повествовательных уловок — конечно, их главной целью является ввести в заблуждение читателя, но, возвращаясь к прошлому примеру — тот человек не рассказывает всем и вся, что «даже если я веду мужской образ жизни, на самом деле я женщина». Для него, этого человека, не имеет значения, как она выглядит в глазах остальных, и этот полицейский продолжает жить как обычно. Как мне кажется, именно этому учит нас эта повествовательная уловка.

— Точно.

Я уверенно кивнул.

— В этом смысле даже в нашей повседневности где-нибудь за поворотом могут прятаться повествовательные уловки. В области, на детали которой мы не обращаем внимания, если посмотреть от третьего лица, как читатель, могут быть детали, относительно которых мы вводим кого-то другого в заблуждение.

Пока мы разговаривали, у меня возникло какое-то неприятное чувство.

Чтобы избавиться от него, я взглянул на часы.

До начала дополнительных занятий первогодок осталось около пятнадцати минут.

— Какой у тебя первый урок?..

— Второгодки. Как и все дополнительные по естествознанию.

— Понял. А у меня первогодки. Ну ладно, я пошёл.

— Ладно.

Взяв в руки сумку с учебниками, я встал. Улыбнувшись в ответ на ухмылку Изуми, я повернулся к ней спиной.

Нехорошо, совсем нехорошо.

Она — моя друг детства и подруга, с которой я часто разговариваю. Ни больше ни меньше. Нельзя, чтобы она стала для меня чем-то большим.

Но, что бы я ни говорил, мне надо продолжать привычный образ жизни. Чтобы обеспечивать

моих жену и ребёнка, я продолжу преподавать английский в старшей школе. И пока это всё, что мне нужно делать.

И вообще, о какой любви говорить учителю в сорок лет? Если уж на то пошло, у Изуми есть свои муж и ребёнок.

С немного беспокойным настроением я вышел из учительской.

<http://tl.rulate.ru/book/60270/1554458>